

И.М. Тютрюмов

**К вопросу о реформе
крестьянского суда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.М. Тютрюмов**
К вопросу о реформе крестьянского суда / И.М. Тютрюмов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-458-06656-3

Григорий Бразоль. Об упразднении волостных и сельских судов. Замена их
мировыми судебными учреждениями.

ISBN 978-5-458-06656-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ронній, пользы же отъ нихъ нѣтъ» (стр. 60), а потому необходимо уничтожить крестьянскій судъ и тѣмъ избавить народъ отъ ненавистнаго ему суда, котораго онъ всѣми путями старается избѣжать. Впрочемъ, если и находятся защитники крестьянскаго суда, то это, по мнѣнію автора, объясняется также весьма просто: «г. Оршанскій и другіе, находясь въ наивномъ, восторженномъ, а слѣдовательно, невиѣняемомъ расположеніи духа, избираютъ именно такіе моменты, чтобы писать о крестьянскихъ судахъ, т. е. о предметѣ совершенно для нихъ незнакомомъ, о которомъ они ничего полезнаго не могли бы сообщить даже и тогда, когда они находились въ серьезномъ настроеніи» (стр. 234). Выходитъ очень остроумно и вопросъ рѣшается весьма просто и легко.

Не менѣе просто и беззапѣнчиво рѣшаются авторомъ и многіе другіе важные общественные вопросы. «Земство, напримѣръ, говорить онъ, — это *enfant terrible*, *enfant prodigue*, вѣчный недоросль XIX вѣка» (стр. 309). Въ самомъ дѣлѣ, «если аптечка земская, то ужъ каждый простолюдинъ не покупаетъ въ ней хины, такъ какъ вмѣсто нея дадутъ магнезіи, даже за деньги, не говоря уже о качествѣ лѣкарствъ, отпускаемыхъ бесплатно» (стр. 308); «если мостъ земскій, то кучеръ непременно своротитъ куда нибудь въ сторону, иногда даже пускаетъ экипажъ и лошадей вплавь, но все же не поѣдетъ по земскому мосту» (стр. 309). Далѣе, по поводу одного судебного-статистическаго отчета, составленнаго лицомъ, состоящимъ на правительственной службѣ, авторъ восклицаетъ, конечно, совершенно некстати: «наши земскіе дѣятели не могутъ представить вовсе столь добросовѣстныхъ трудовъ. Они мало и плохо знаютъ свой край не только въ экономическомъ и судебномъ отношеніи, но даже географическомъ!» (стр. 4). Не менѣе своеобразенъ взглядъ г. Бразоля и на новыя судебныя учрежденія: «соблюденіе, говорить онъ, массы ненужныхъ формальностей, возведенныхъ на степень важныхъ принциповъ, дѣлаетъ новые суды медлительными, дорогими и обременительными для массы, вопреки самовосхваляющей рекламы: судъ скорый и милостивый; эта реклама, намалеванная на потолокъ залъ новыхъ судовъ, имѣетъ видъ пародіи» (стр. 343). Послѣ такихъ перловъ краснорѣчія, едва ли слѣдовало бы входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе сочиненія г. Бразоля; но только важность затрогиваемаго имъ вопроса, поставленнаго и правительствомъ на очередь въ ряду другихъ законодательныхъ работъ, заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на этомъ любопытномъ сочиненіи.

II.

«Жизнь въ провинціи, среди народа», начинаетъ авторъ свое сочиненіе, «поневолѣ заставляетъ изучать бытъ крестьянъ», и вотъ авторъ, желая указать одну изъ причинъ, вредящихъ правильному развитію крестьянскаго быта, и *«руководствуясь лишь любовью къ народу и стремленіемъ къ правдѣ»*, приступилъ къ писанію своей книги. Такимъ образомъ, и стремленіе къ правдѣ, и любовь къ народу, составляющія столь обычные вступительныя слова всѣхъ сочиненій, трактующихъ о реформахъ въ области народнаго быта, руководятъ также и г. Бразоль при составленіи имъ проэкта, клонящагося къ упраздненію крестьянскаго суда. Замѣчательное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе! Какія бы мѣры тотъ или другой авторъ ни предлагалъ для урегулированія народной жизни, онъ непремѣнно прикрывается и «любовью къ народу» и желаніемъ принести ему «пользу». Не далѣе, какъ въ прошломъ году издана одна книжка, на которую ссылается и г. Бразоль въ подтвержденіе нѣкоторыхъ своихъ выводовъ, принадлежащая г. Дашкевичу — «О волостномъ судѣ и его реформѣ (изъ наблюденій надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ)». Г. Дашкевичъ, изъ любви къ народу и желанія принести ему пользу, между прочимъ, скорбитъ, что тѣлесное наказаніе въ волостныхъ судахъ слишкомъ малое имѣетъ примѣненіе, а потому «необходимо дать большее право гражданства тѣлесному наказанію съ расширеніемъ его объема, *по крайней мѣрѣ*, до 100 ударовъ» (стр. 58), такъ какъ «это наказаніе, по мнѣнію автора, не лишено своего *универсальнаго (?)* значенія, какъ педагогическая (!) и дисциплинарная мѣра, на которой *во вся вѣка*, въ извѣстномъ возрастѣ, *воспитывалось (?)* *человѣчество*. Переставъ быть помѣщичьимъ наказаніемъ, оно не перестало быть *народнымъ*. Простой народъ видитъ въ этомъ наказаніи единственное палліативное средство, которымъ онъ въ состояніи врачевать (?) свои домашнія язвы, и потому, съ существомъ его быта *на народническихъ началахъ*, не слѣдовало бы отнимать у него этого средства и въ замѣнъ того вооружать его самоуправленіе картоннымъ мечемъ» (?) (стр. 45). Вотъ тоже проэктъ уречеванія современныхъ язвъ народнаго быта и устройства послѣдняго на народническихъ началахъ, съ расширеніемъ полномочій крестьянскаго самоуправления до права наказывать своихъ членовъ розгами до 100 ударовъ. Подумаешь, какъ легко разрѣшается та трудная задача уречеванія современныхъ недуговъ народной жизни, надъ которой трудились и трудятся по настоящее время многіе ученые и обществен-

ные и государственные дѣятели! Отсюда можно, однако, видѣть, на сколько далеки отъ принесенія дѣйствительной пользы народу всѣ эти псевдонародолюбивыя стремленія реформаторовъ народнаго быта.

Задача сочиненія г. Бразоля, по его словамъ, заключается въ указаніи тѣхъ недостатковъ, которые замѣчены были имъ на практикѣ, въ Малороссіи, и затѣмъ въ указаніи средствъ для огражденія крестьянъ отъ злоупотребленій ихъ собственныхъ судовъ (стр. 34).

Остаиваясь на недостаткахъ волостныхъ судовъ, авторъ указываетъ 14 главныхъ недостатковъ, существованіе которыхъ, по его мнѣнію, дѣлаютъ волостные суды «негоднымъ» и «подлежащимъ преобразованію» учрежденіемъ. Между недостатками, указываемыми авторомъ, обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, отсутствіе въ волостныхъ судьяхъ грамотности и низкая степень умственнаго и нравственнаго ихъ развитія (стр. 5); отсутствіе у крестьянъ какого либо обычнаго права, которое имѣло бы живое дѣйствительное значеніе на практикѣ (стр. 7); безапелляціонность рѣшеній волостнаго суда (стр. 11); большое разнообразіе въ его рѣшеніяхъ; при обвиненіи виновности подсудимаго разсмотрѣніе всего образа его жизни (стр. 26); взяточничество и вообще неправосудіе вслѣдствіе подкупа или пристрастія (стр. 23); отсутствіе защиты (стр. 28) и др.... Въ виду такихъ недостатковъ волостнаго суда, авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что необходимость преобразованія волостнаго суда настолько серьезна и настоятельна, что откладывать эту реформу не слѣдуетъ. На основаніи этого онъ и предлагаетъ волостные и сельскіе суды упразднить и всѣ крестьянскія дѣла передать судебно-мировымъ учрежденіямъ; но для того, чтобы эти послѣднія были доступные и пригодные для крестьянъ, по мнѣнію автора, необходимо ввести въ судебные уставы нѣкоторыя дополненія, не измѣняя, однако, тѣхъ главныхъ принциповъ, которые легли въ основаніе при введеніи судебныхныхъ мировыхъ учрежденій. Эти дополненія должны состоять: 1) въ расширеніи компетенціи мировыхъ судей предоставленіемъ имъ права разрѣшать иски о правѣ недвижимой собственности цѣною до 500 р., съ допущеніемъ апелляціи по такимъ дѣламъ, «въ виду серьезности ихъ», «не въ сѣздѣ, а въ окружный судъ (?), который, по мнѣнію автора, можетъ выѣзжать въ уѣздный городъ на сессію» (стр. 53); 2) въ устраненіи медленности въ движеніи дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ; 3) въ устраненіи отъ веденія дѣлъ сельскихъ адвокатовъ или ходатаевъ изъ выгнанныхъ волостныхъ писарей или изъ отставныхъ солдатъ (стр. 56); 4) въ уничтоженіи судебныхныхъ пошлинъ и сбора за бумагу (стр. 57). Такова сущность проекта г. Бразоля объ

упраздненіи крестьянскихъ судовъ и замѣнѣ ихъ мировыми судебными учрежденіями. Прозкъ этотъ, въ видѣ реферата, долженъ былъ еще въ 1882 г. въ Киевскомъ Юридическомъ Обществѣ и встрѣтилъ тамъ единодушный отпоръ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ.

Въ послѣдующихъ главахъ своего сочиненія авторъ вновь возвращается къ тому же вопросу и останавливается на немъ нѣсколько подробнѣе, по поводу тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы ему въ Киевскомъ Юридическомъ Обществѣ, при рассмотрѣніи вышеуказаннаго реферата. При этомъ авторъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о негодности крестьянскихъ судовъ, приводитъ помѣщенные въ Трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ отзывы нѣкоторыхъ официальныхъ лицъ, а также мнѣнія нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ Харьковской и Полтавской губерній и отзывы самихъ крестьянъ, останавливаясь притомъ и на критическомъ разборѣ взглядовъ Оршанскаго, высказанныхъ имъ по тому же вопросу въ его статьѣ «Народный судъ и народное право».

«Всѣ возраженія, сдѣланныя ему устно и печатно, по мнѣнію автора, голословны, ни на чемъ не основаны, противорѣчивы и представляютъ результатъ личныхъ взглядовъ, не подкрѣпленныхъ ссылками на дѣйствительные неоспоримые факты» (стр. 94). «Я никогда, говоритъ далѣе авторъ, не ожидалъ такой слабости доводовъ въ пользу волостныхъ судовъ, каковую обнаружили всѣ вообще гг. защитники крестьянскаго самосуда, хотя въ рядахъ послѣднихъ мы видимъ и профессоровъ университетовъ и ученыхъ, извѣстныхъ своею полезною дѣятельностью». «Защитники волостныхъ судовъ большею частью или не юристы, не имѣющіе никакого представленія о правѣ, о законѣ, или же они юристы кабинетные, не желающіе знать практическую сторону жизни и отношеніе ея къ закону». «Станнымъ (!) мнѣ кажется, продолжаетъ авторъ, тоже и то обстоятельство, что противники волостныхъ судовъ вооружены всегда (?) полнымъ (?) знаніемъ изслѣдуемаго вопроса, съ которымъ сталкивались въ дѣйствительной жизни; противники волостныхъ судовъ всегда приводятъ массу неопровержимыхъ (?) аргументовъ и такихъ фактовъ (?), которыхъ отрицать не могутъ даже и защитники волостныхъ судовъ» (стр. 95). Далѣе мы увидимъ, какіе это такіе неопровержимые аргументы и факты; но здѣсь не можемъ не замѣтить, что всѣ разсужденія г. Бразоля противъ защитниковъ волостнаго суда съ большимъ успѣхомъ и по справедливости могли бы быть обращены и противъ него самого и другихъ противниковъ крестьянскаго суда.

Послѣдняя (пятая) глава сочиненія г. Бразоля посвящена «обсужденію упрековъ, посылаемыхъ по адресу мировымъ судьямъ и разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты, по мнѣнію автора и по указанію другихъ свѣдующихъ лицъ, для устраненія поводовъ къ неудовольствію дѣятельностью мировыхъ судей и для того, чтобы эту дѣятельность сдѣлать болѣе пригодною для массы, при упраздненіи волостныхъ судовъ» (стр. 284). Всѣ эти упреки, дѣлаемые мировымъ судьямъ «прессею, частными лицами и даже (?) дамами, авторъ разсматриваетъ, придерживаясь къ порядку изложенія статей въ судебныхъ уставахъ, при чемъ указываетъ только тѣ статьи, которыя даютъ поводъ къ нападкамъ на дѣятельность мировыхъ судей и вызываютъ неудовольствіе этою дѣятельностью» (стр. 285).

Главная задача этой части сочиненія, по мнѣнію автора, заключается въ выясненіи причинъ, создавшихъ поводы для обвиненій, причемъ онъ старается доказать, что «не мировые судьи виновны въ тѣхъ стѣсненіяхъ и неудобствахъ, испытываемыхъ массою, обращающеюся къ мировымъ судьямъ, а сами законы и кассационныя инстанціи виновны въ томъ, что мировыя судебныя учрежденія поставлены въ такія условія, при которыхъ не мыслимо для нихъ приносить ожидаемую пользу» (стр. 287), да и «самые принципы, на коихъ основаны судебные уставы 1864 года, служатъ иногда, къ сожалѣнію, причиною справедливаго недовольства мировыми судьями, такъ что приходится или вовсе отказаться отъ нѣкоторыхъ принциповъ, или, оставивъ ихъ, слѣдуетъ отнять отъ нихъ то значеніе, которое искусственно приписывается имъ, или слѣдуетъ оставить эти принципы во всей ихъ настоящей силѣ и тогда нужно пожертвовать всѣми интересами сторонъ, самою справедливостью, и нужно заставить терпѣть лишенія; несправедливость, неравноправность сторонъ, ради искусственно созданнаго наукою принципа, который, не отвѣчая справедливости, имѣтъ значеніе лишь громкой, но пустой фразы, или такое же значеніе, какое имѣеть блестящій фейерверкъ» (!) (стр. 288). Впослѣдствіи мы разсмотримъ, въ чемъ должны состоять, по мнѣнію г. Бразоля, эти измѣненія въ судебныхъ уставахъ, здѣсь же ограничимся только однимъ замѣчаніемъ, что для всякаго знакомаго съ принципами, положенными въ основу судебныхъ уставовъ, 1864 г., вполне очевидно, что не эти созданныя наукою принципы, а самыя указанныя выше слова г. Бразоля, дѣйствительно, имѣеть «значеніе лишь громкой, но пустой фразы»!

III.

Безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ аргументомъ въ пользу существованія крестьянскаго суда является примѣненіе имъ соотвѣтствующихъ условіямъ народнаго быта мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Но и здѣсь сказалось то же общее явленіе, о которомъ мы уже говорили въ началѣ статьи: находятся такіе защитники волостнаго суда, которые высказываютъ взглядъ, что крестьянскіе обычаи, какъ возникшіе на почвѣ отжившаго уже крѣпостнаго права, прямо противорѣчатъ потребностямъ настоящей жизни освобожденнаго народа, а потому «при разработкѣ въ настоящее время вопроса о волостныхъ судахъ, обычное право нужно совсѣмъ выкинуть изъ его кодекса, какъ несоотвѣтствующее цѣли», и этотъ взглядъ высказывается защитниками волостнаго суда, лицами, признающими волостной судъ «вполнѣ соотвѣтствующимъ потребностямъ народной жизни». Таимъ образомъ, съ одной стороны, волостные суды должны существовать, какъ вполнѣ соотвѣтствующіе всѣмъ потребностямъ народной жизни, съ другой стороны, они должны быть лишены права при разборѣ дѣлъ руководствоваться своими мѣстными крестьянскими обычаями. Какой хаосъ понятій! Воображаемъ, что это былъ бы за «крестьянскій» судъ, лишенный права при разборѣ дѣлъ руководствоваться началами, выработанными многовѣковой жизнью крестьянъ и воплотившагося въ народныхъ юридическихъ обычаяхъ!?... Очевидно, лица, высказывающія такой взглядъ, имѣютъ крайне смутное понятіе о разсматриваемомъ вопросѣ. Мы не споримъ, что въ нѣкоторыхъ обычаяхъ крестьянъ встрѣчаются иногда и большія уродливости, и на устраненіе такихъ обычаевъ путемъ просвѣщенія должны быть направлены дружныя усилія правительственной и общественной власти, но за то въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ господствуютъ такіе юридическіе обычаи, которые необходимо обусловливаются всѣмъ экономическимъ, хозяйственнымъ строемъ крестьянской семьи и другими факторами крестьянской жизни, и которые, по разумности и справедливости лежащихъ въ основѣ ихъ началъ, во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ могутъ конкурировать съ постановленіями нашихъ гражданскихъ законовъ, и лишитъ волостные суды права въ своей дѣятельности примѣнять эти начала народно-обычнаго права, — значитъ парализовать самую существенную сторону ихъ дѣятельности, такъ какъ, на нашъ взглядъ, главная цѣль и *raison d'être* отдѣльныхъ крестьянскихъ судовъ заключается, преимущественно, въ ихъ правѣ и возможности при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ между

крестьянами примѣнять начала народно-обычнаго права. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, ужъ лучше совсѣмъ упразднить волостные суды, такъ какъ, за исключеніемъ указанной выше стороны, и мировые судьи съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ могли бы выполнять свои обязанности по отправленію народнаго правосудія.

Г. Бразоль, конечно, понялъ все важное значеніе этого аргумента въ пользу отдѣльнаго существованія крестьянскихъ судовъ, а потому противъ него направилъ всю силу своего краснорѣчія. Хотя авторъ по поводу обычнаго права высказывается во многихъ мѣстахъ книги и весьма различно, съ большими противорѣчіями самому себѣ, однако изъ всей массы противорѣчивыхъ, въ высшей степени неясныхъ и нелогичныхъ разсужденій автора по этому вопросу можно всетаки вывести сущность взгляда его на крестьянское обычное право. Во всѣхъ мѣстахъ разсматриваемой нами книги проглядываетъ полное нерасположеніе автора къ крестьянскимъ судамъ и примѣняемому ими обычному праву: кстати и совершенно некстати авторъ допускаетъ всякаго рода инсинуации по отношенію къ крестьянскимъ обычаямъ, всякаго рода уродливости, злоупотребленія и даже преступленія, въ родѣ кражи, относитъ онъ къ числу народныхъ обычаевъ, «въ которыхъ, инсинуируетъ онъ, видна будто бы мудрость, накопленная вѣковымъ опытомъ и созданная обычнымъ правомъ» (стр. 216). Опровергать подобные взгляды автора едва ли представляется необходимымъ, такъ какъ вся невѣрность и грубая натянутость ихъ очевидна для всякаго образованнаго человѣка. Поэтому мы и остановимся здѣсь только на тѣхъ взглядахъ автора по обычному праву, которые сколько нибудь заслуживаютъ критики и касаются сущности разсматриваемаго вопроса.

Хотя, говоритъ авторъ, волостные судьи руководствуются обычаемъ, а не писаннымъ закономъ, но это не вполне вѣрно (стр. 5), такъ какъ не только судьи не знаютъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ (стр. 10), но и самыхъ обычаевъ не существуетъ, потому что «часть юридическихъ обычаевъ вошла въ сводъ законовъ, и эти то обычаи—чисто юридическіе, остальные же обычаи утратили свое значеніе, это—мертвые обычаи, которыми любитель древности можетъ интересоваться, но юристъ или судья не найдутъ въ нихъ практическаго значенія» (стр. 8), и вообще «современная жизнь не можетъ быть регулирована обычнымъ правомъ» (стр. 9). «Многіе изъ обычаевъ вымираютъ, другіе имѣютъ лишь обрядовое или процессуальное значеніе; взамѣнъ этихъ вымирающихъ языческихъ и безнравственныхъ обычаевъ не появляются новые, могущіе удовлетворить

современнымъ требованіямъ народа.... Представители власти и правительства всегда выше массы, по своему нравственному и умственному развитію; законодательство, какъ продуктъ правительственной власти, поэтому всегда выше обычнаго права—продукта массы; писанный законъ вытѣсняетъ обычное право вездѣ; исторія каждаго народа, а также и русскаго, краснорѣчиво намъ это доказываетъ. Законъ *большую часть* гуманнѣе и нравственнѣе обычая. Обычай не можетъ удовлетворить новыя требованія развивающейся массы. Поэтому законы и не могутъ всегда согласоваться съ обычаями и должны имъ противорѣчить, *если они дики и безнравственны*.... (стр 219). «Народное право, основанное на юридическихъ обычаяхъ, говоритъ наконецъ авторъ, имѣетъ такое же отношеніе къ официальному праву, какъ шептаніе къ современной медицинѣ» (стр. 412).

Не нужно большаго труда для того, чтобы доказать, насколько такой взглядъ на обычное право неправиленъ въ самомъ своемъ существѣ. Безспорно, что писанный законъ представляетъ лучшую практическую сторону права, къ которой постепенно переходятъ всѣ народы, но слѣдуетъ ли отсюда, что обычное право, какъ источникъ права, утрачиваетъ всякое значеніе? Очевидно, нѣтъ! какъ бы ни было развито законодательство страны, какъ бы ни было оно совершенно, оно не въ состояніи исчерпать все содержаніе сферы частнаго самоопредѣленія, оно не можетъ, слѣдовательно, и совершенно воспретить примѣненія обычныхъ нормъ права: если съ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства сфера дѣйствія обычнаго права значительно суживается, однако остаются такія области права, гдѣ примѣненіе обычнаго права вызывается неотложной необходимостью, напримѣръ, по предметамъ, положительно не опредѣленнымъ въ законѣ, или относительно такихъ слоевъ населенія, по отношенію къ которымъ общіе гражданскіе законы совершенно не примѣнимы. Въ такихъ случаяхъ вопросъ о примѣненіи обычнаго права не только вопросъ необходимости, но и справедливости, въ такихъ случаяхъ игнорировать обычныя нормы права и строго требовать примѣненія только нормъ писаннаго права, именно, будетъ въ высшей степени неправильно и крайне несправедливо. Поэтому даже такіе сравнительно развитые гражданскіе кодексы, какъ Австрійскій, Прусскій и др. допускаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе обычнаго права, какъ дополнительнаго источника права. Тѣмъ болѣе важное значеніе получаетъ этотъ вопросъ у насъ въ Россіи, въ виду крайняго разнообразія ея по составу и культурѣ населяющихъ ее племенъ. Поэтому весьма понятно, почему обычное право у насъ, хотя и въ качествѣ

второстепеннаго источника права, имѣеть весьма важное значеніе: во-первыхъ, нѣкоторые слои быта у насъ вовсе не опредѣлены закономъ и нормированіе ихъ предоставлено обычному праву; таково напримѣръ отношеніе нашего закона къ быту восточныхъ и другихъ инородцевъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, наши гражданскіе законы рѣшительно не примѣнимы. Во вторыхъ, и въ другихъ слояхъ быта обычное право можетъ примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда это прямо разрѣшается закономъ, и по предметамъ, положительно не опредѣленнымъ въ законѣ. Изъ этого можно видѣть, что сфера примѣненія обычнаго права по нашимъ гражданскимъ законамъ весьма обширна, если особенно принять во вниманіе, что положеніемъ 19 февраля 1861 года ¹⁾, предоставлено крестьянамъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться своими мѣстными обычаями. Это можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія г. Бразоли, что будто бы таковыхъ юридическихъ обычаевъ не существуетъ и что есть только мертвые обычаи, не имѣющіе на практикѣ никакого значенія. Если законодательство наше въ извѣстныхъ случаяхъ освобождаетъ крестьянъ отъ обязанности подчиняться нашимъ гражданскимъ законамъ (I ч. X т. св. зак.) и предоставляетъ право руководствоваться своими мѣстными обычаями, то этимъ самымъ оно уже констатируетъ существованіе у крестьянъ особенныхъ мѣстныхъ обычаевъ, отличающихся отъ нормъ нашего писаннаго права. Когда выработывались наши судебные уставы, то составители ихъ, конечно, не могли также обойти этого вопроса молчаніемъ. Та существенная разница между обычнымъ правомъ крестьянъ и писаннымъ закономъ не могла укрыться отъ ихъ просвѣщеннаго вниманія: «имущественное и хозяйственное положеніе крестьянъ, говорится въ объяснительной къ судебнымъ уставамъ запискѣ, дало своеобразный характеръ отношеніямъ между членами крестьянской семьи. Отсюда рѣзкое различіе обычаевъ въ наслѣдованіи и раздѣлахъ крестьянскаго имущества и въ опеку и попечительствѣ надъ малолѣтними отъ правилъ, дѣйствующихъ относительно наслѣдованія, раздѣловъ и опеки между прочими классами. Посему нарушеніе этихъ обычаевъ было бы тождественно съ разстройствомъ семейныхъ отношеній въ той формѣ, въ какой они сложились у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ... ²⁾». Результатомъ этихъ соображеній и явилась въ судебныхъ уставахъ 130 статья (уст. гр. суд.), предоставляющая мировымъ судьямъ при

¹⁾ Пол. о крест. 19 февр. 1861 г. ст. 21, 38 и 107.

²⁾ Объясн. записка 1863 г. ч. 1, стр. 60—67.

разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями. Предоставленіе суду въ извѣстныхъ случаяхъ руководствоваться мѣстными обычаями уже служить яснымъ доказательствомъ существованія и дѣйствительнаго значенія юридическихъ обычаевъ, имѣющихъ интересъ не для одного только любителя старины, какъ думаетъ г. Бразоль. Существованіе юридическихъ обычаевъ составителями судебныхъ уставовъ было признано настолько безспорнымъ, что даже не установлено какихъ либо особыхъ правилъ для констатированія обычаевъ, такъ какъ, говорится въ журналѣ, «мировому судѣ, какъ мѣстному жителю, самому будутъ хорошо извѣстны главнѣйшіе обычаи, существующіе въ его мѣстности»³⁾. — Такимъ образомъ наше новое судебное законодательство придаетъ существующимъ обычаямъ весьма важное значеніе, какъ дополнительному источнику права, руководству- которымъ для мирового судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволено закономъ, столь же обязательно, какъ и примѣненіе самого закона⁴⁾.

Когда предпринятъ былъ пересмотръ нашихъ гражданскихъ законовъ, то правительство также обратило свое вниманіе на существующіе юридическіе обычаи. и предложило судебнымъ дѣятелямъ указать, какіе мѣстные обычаи были примѣняемы въ судебныхъ рѣшеніяхъ на основаніи 130 ст. уст. гр. суд. и 38 ст. общ. полож. о крест., и какииъ изъ нихъ желательно было бы придать силу закона.

Теперь представляется интереснымъ разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли на практикѣ, какъ говоритъ г. Бразоль, юридическіе обычаи не имѣютъ никакого значенія, или, напротивъ, въ дѣйствительной жизни юридическіе обычаи служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ права при разрѣшеніи крестьянами своихъ дѣлъ? Мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ это могло бы далеко насъ увлечь за предѣлы настоящей статьи, къ тому же въ другихъ нашихъ статьяхъ⁵⁾—намъ не разъ уже приходилось останавливаться на этомъ важномъ вопросѣ народной жизни. Благодаря прекраснымъ трудамъ многихъ добросовѣстныхъ изслѣдователей народнаго быта, вопросъ этотъ настолько подробно и основательно изслѣдованъ, что существованіе у крестьянъ особыхъ юридическихъ

3) Журналъ 1864 г., № 44, стр. 9 и 10.

4) Рѣш. гражд. касс. деп. сената 1878 г., № 225 по д. Михайлова.

5) См. наши статьи, помѣщенные въ «Русской Рѣчи» въ 1879 г. (№№ 2, 4, 7 и 10), 1880 г. (№ 6) и 1881 г. (№ 3); въ «Словѣ» за 1881 г., № 1 и 2; «Земствъ» — № 26, 1882 г. и «Русскомъ Богатствѣ» 1883 г., № 9, 1884 г., №№ 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 1885 г., № 5—6.